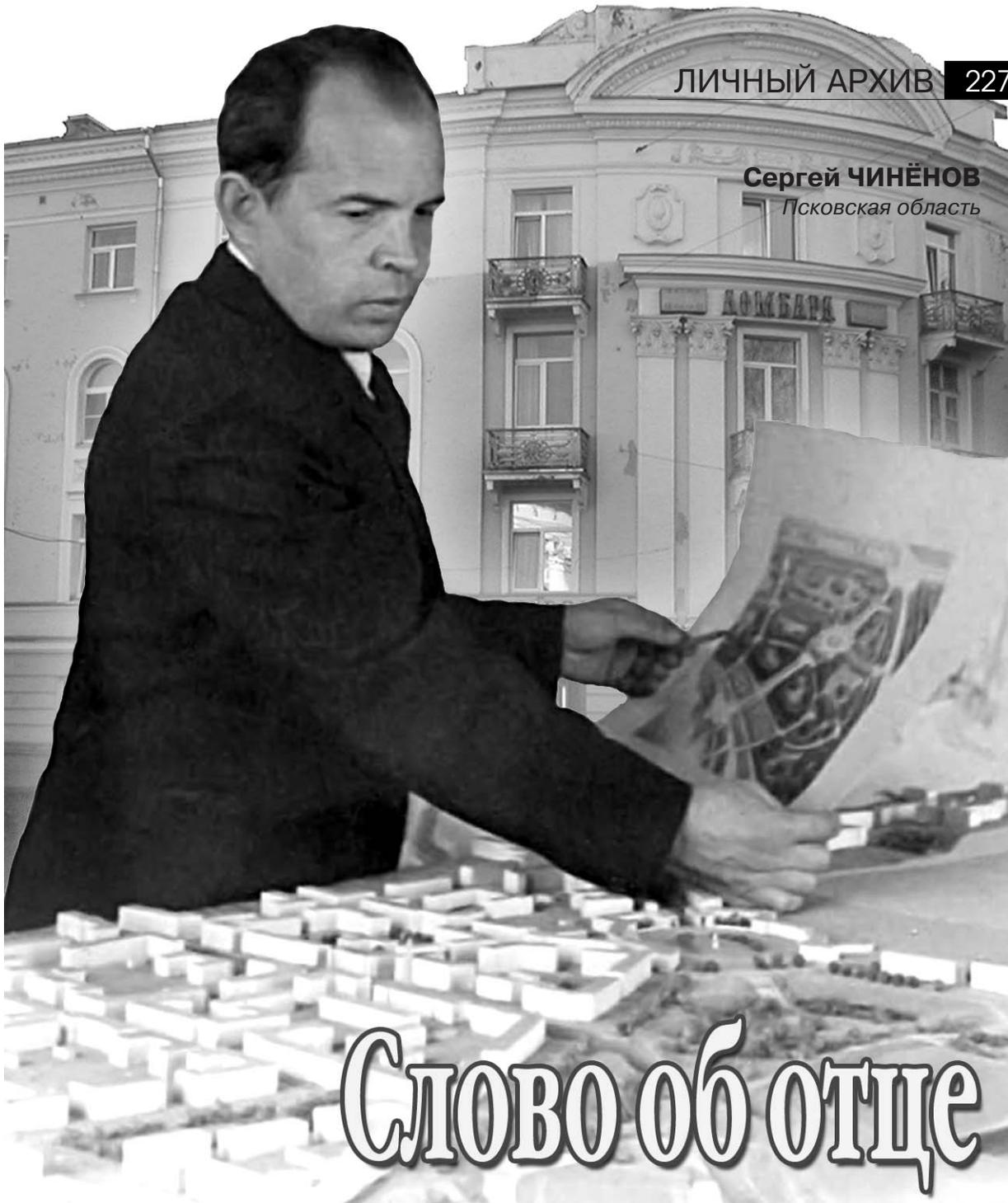

Сергей ЧИНЁНОВ

Псковская область

Слово об отце

В 2012 году исполняется 100 лет со дня рождения Лазаря Ивановича Чинёнова (07.11.1912–22.10.1996). Выпускник Московского архитектурного института. В 1947 году по рекомендации Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР направлен в Петрозаводск, где проработал главным архитектором города в течение 18 лет. В это время Петрозаводск был восстановлен из руин и обрел современный архитектурный облик. Известнейшая постройка Л.И. Чинёнова – жилой дом Онежского завода на углу проспекта Ленина и улицы Энгельса. С 1965 по 1974 г. – главный архитектор и по совместительству начальник отдела генпланов института «Карелгражданпроект». Член Союза архитекторов СССР с 1944 года.

**Село Никольское Орловской губернии.
Гражданская война.
Детский дом имени III Интернационала**

Почему время наших отцов ближе и понятнее нам, чем время наших детей? Возможно потому, что прошлое хорошо отстоялось в нашем сознании и мы знаем о нем не только по рассказам наших родителей, но и по учебникам истории, по книгам и кинофильмам. А может быть, потому, что каждому новому поколению передается память на генетическом уровне и мы помним то, что с нами не происходило и в чем мы сами участия не принимали. Потерявшись во времени, не все понимая в сегодняшних реалиях, я с особенным трепетным чувством перелистываю страницы семейного альбома и вспоминаю события прошедшего столетия.

Мой отец появился на свет в ночь с 25 на 26 октября 1912 года. По новому стилю его день рождения отмечали в семейном кругу 7 ноября, в годовщину Октябрьской революции. Родился он в селе Никольское Орловской губернии. Его мама, Шалыганова Софья Яковлевна, и отец, Чинёнов Иван Никитич, были крестьянами.

Не знаю, кто именно дал ему такое редкое имя – Лазарь. Возможно, родители. Мое же воображение всегда рисовало такую картину: во время крестин настоятель Никольского храма, заглянув в святцы, дает имя бойкому малышу, называет Лазарем новоявленного младенца.

Его босоное детство прошло среди орловских полей и пашен. Запомнились походы в ночное. Храп лошадей, огромное звездное небо, печеная картошка с обугленной корочкой, обжигаящая пальцы, и бесконечные разговоры у ночного костра.

Деревенские ребята рано приобщаются к круговороту крестьянских дел. Происходит это исподволь, без нажима и принуждения со стороны взрослых. В детстве все интересно. Как отбивается коса, как запрягается лошадь? С какой стороны нужно подойти к корове, чтобы подоить ее? Как из простокваши делается творог, а из снятых сливок сбивается масло? Все интересно, и все хочется попробовать сделать своими руками.

Была у маленького Лазаря своя грядка. Небольшой клочок земли, на котором он осваивал премудрости огородной науки. Ранней весной во влажную теплую землю сажал десяток луковиц, рядок моркови, несколько семян подсолнечника, предварительно замоченные бобы и горох. Сам поливал, рыхлил и пропалывал свой огородик, с любопытством наблюдая, как пробиваются и тянутся к солнцу молодые побеги.

Дом, в котором прошло детство отца, имел че-

тырехскатную соломенную крышу и делился сенями на две половины. В нижней на земляном полу стояла русская печь. Зимой под полатями в загородке жил теленок, а в большой клетке пережидали холода петух и курицы. В верхнюю половину, называемую горницей или светелкой, из сеней вели несколько ступенек. В ней был дощатый пол, лавки вдоль стен, большой стол и иконы в красном углу. В горнице принимали гостей, собирались всей семьей по церковным праздникам.

События семнадцатого года изменили прежнее устройство мира и мир каждой российской семьи. Крестьяне села Никольское, одними из первых в Орловской губернии, организовали трудовую коммуну. Председателем избрали отца маленького Лазаря, Ивана Никитича Чинёнова.

Недолго просуществовала эта первая коммуна. Под натиском войск армии генерала Деникина пришлось срочно эвакуироваться. Иван Никитич ушел на фронт защищать молодую республику.

Семилетний Лазарь в полной мере испытал все ужасы Гражданской войны. Голод, холод, скитания по чужим углам. Он умирал, наголо остриженный, в тифозном бараке где-то под Царицыном, но чудом остался жив. Среди горя и слез самым страшным потрясением для детского сознания стал распад семьи. Мать ушла к другому. Отец ей сына не отдал, забрал с собой. Так маленький Лазарь оказался в Москве.

Она показалась ему огромной, шумной и суетливой. Трамвайные звонки, гудки автомобилей, пролетки, с грохотом несущиеся по булыжной мостовой. Не все еще восстановлено после Гражданской войны, но НЭП уже вступает в свои права. Открываются новые магазины с большими витринами и обилием товаров. И так много соблазнов, и улица зовет и манит.

Иван Никитич днем пропадал на работе в железнодорожном депо, вечером учился в партийной школе. Лазарь оставался без присмотра, один на один с соблазнами и с уличными беспризорниками. Чтобы не потерять парня, отец определил его в детский дом имени III Интернационала. Там он пробыл до окончания начальной школы. Отец был рядом. Часто на выходные забирал его к себе. Когда Иван Никитич женился во второй раз, Лазарь стал частью новой семьи. Со временем у него появились три брата – Володя, Ким, Ваня, и сестренка Аня.

В семейном альбоме среди редких фотографий той поры есть вклеенный листок. На нем рукой моего отца нарисован план уголка Москвы, где прошли его школьные годы. На этом плане изображен перекресток Успенского переуллка с Малой Дмитровкой. В переулке напротив храма Успения Божьей

Матери и находился детский дом имени III Интернационала. Недалеко от перекрестка на Малой Дмитровке отмечено еще одно строение и дано небольшое пояснение: в этом доме была партшкола, в которой учился Иван Никитич. Теперь это здание занимает Театр имени Ленинского комсомола – знаменитый Ленком.

Я рано выпорхнул из родительского гнезда. С шестого класса учился в Ленинграде в средней художественной школе при институте имени И.Е.Репина. Тогда эта школа находилась в здании Академии художеств. Жил в интернате на углу Большого проспекта и 4-й линии Васильевского острова. Дома бывал только на школьных каникулах.

Летний отпуск отец всегда проводил в Карелии. Всей семьей выезжали в какую-нибудь озерную деревню. По месяцу жили в Святозере, в Ершах на озере Сандал, в Царевичах и Косалме, расположенных на перешейке между Укшезером и Кончезером. Сидя за веслами или разводя костерок на скалистом берегу, мысленно уносясь куда-то очень далеко, отец часто читал наизусть свои любимые стихотворные строчки:

*Тот ураган прошел. Нас мало уцелело.
На переключке дружбы многих лет.
Я вновь вернулся в край осиротелый,
В котором не был восемь лет.*

*Кого позвать мне? С кем мне поделиться
Той грустной радостью, что я остался жив?
Здесь даже мельница – бревенчатая птица
С крылом единственным – стоит, глаза смежив.*

*Я никому здесь не знаком,
А те, что помнили, давно забыли.
И там, где был когда-то отчий дом,
Теперь лежит зола да слой дорожной пыли.*

Этот отрывок я запомнил с его голоса, с его интонациями и расставленными акцентами. Много позже я понял, как точно ложились эти есенинские строчки на его судьбу, на его память о безвозвратно ушедших годах детства и навсегда утерянном отчем доме в селе Никольское Орловской губернии.

Портрет беспризорника из Третьяковской галереи

Когда произносят имя художника Богородского, сразу вспоминается его автопортрет «Братишка», где он изображен в матросской бескозырке, бушлате, накинутом на одно плечо, перепоясанный

скрещенной на груди пулеметной лентой, его картины, посвященные морякам Гражданской войны, и, конечно же, серия портретов беспризорных.

Федор Семенович Богородский родился в Нижнем Новгороде в 1895 году в семье адвоката. Первоначальное художественное образование получил в частных студиях родного города. Учился на юридическом факультете Московского университета. Дружил с Велемиром Хлебниковым и Владимиром Маяковским. Писал стихи. После окончания университета служил матросом на Балтийском флоте, затем освоил специальность военного летчика. В годы Гражданской войны был комиссаром матросского отряда Донской и Волжско-Каспийской флотилий. Воевал на Волге, под Царицыном.

В 1922 году Федор Богородский поступает во ВХУТЕМАС. Учится в мастерской Абрама Ефимовича Архипова. В эти годы меняются пристрастия молодого художника. Проходит увлечение кубизмом и футуризмом. Главным становится точность индивидуальной характеристики в портрете, эмоциональная напряженность и выразительность живописной пластики. Первым значительным произведением после завершения обучения в мастерской Архипова стала серия портретов беспризорных.

Отец вспоминал, как однажды в детский дом имени III Интернационала пришел художник Богородский. Кроме этюдника и подрамников с натянутым холстом, он принес ворох реквизитной одежды. Познакомившись с ребятами, стал искать выразительный типаж. Для позирования выбрал маленького Лазаря. Его лицо выделялось из общего ряда. Широко поставленные глаза, большие припухшие губы, нос уточкой, словно переломленный посередине, и взгляд, не подтеки строгий и напряженный.

Художник попросил снять детдомовскую толстовку и примерить принесенную с собой рваную одежду, поношенную шапку-ушанку. Долго искал нужный ракурс, поворачивал голову, добываясь нужного освещения. Работал Богородский быстро и увлеченно. Нашлись и общие темы для разговора. Маршруты боев Донской и Волжско-Каспийской флотилий проходили по тем же местам, где Лазарь скитался по чужим углам и умирал в тифозном бараке в прифронтовой полосе. Художник сделал несколько этюдов – портретов в разных позах и в разных одеяниях. По всей видимости, окончательный вариант портрета дорабатывался в мастерской.

Эта встреча с художником Богородским оставила глубокий след в судьбе отца и во многом повлияла на выбор профессии. Лет через пять, году в тридцатом, он увидел свой портрет в образе беспризорника в Третьяковской галерее. Открытка с репродукци-

ей этого портрета хранится в семейном альбоме рядом с отцовскими фотографиями 20-х годов.

Студенческие годы. Проектная бригада Гипроавиапрома. Встреча с Евгением Чарушиным

После окончания семилетки в 1930 году отец поступил в художественную студию на Кропоткинской улице. Затем три года учился на вечернем отделении рабфака при Тимирязевской академии. Работал художником-оформителем на заводе «Динамо» и внештатным художником в газете «Комсомольская правда».

В 1933 году сдал экзамены в Московский архитектурный институт. Именно в те годы художником Б.Иогансоном была написана картина «Рабфак идет». Мне легко представить моего отца среди рабфаковцев Иогансона, в рядах молодежи, вступающей в жизнь, идущей вперед, читающей на ходу.

Глядя на кадры документальной хроники тех лет, вижу отца-студента на подножке переполненного трамвая, в толпе болельщиков, спешащих на футбол. Он был страстным поклонником этой игры. Всю жизнь болел за московскую команду «Спартак». Эта страсть зародилась в нем тогда, в студенческие годы.

В его дипломе есть следующая запись: «Предъявитель сего Чинёнов Лазарь Иванович в 1933 г. поступил и в 1939 г. окончил полный курс обучения Московского архитектурного института по специальности «Архитектура жилых и общественных сооружений». Решением Государственной экзаменационной комиссии от 27 февраля 1939 года ему присвоена квалификация архитектора».

Диплом подписан председателем экзаменационной комиссии Алексеем Викторовичем Щусевым. Тем самым знаменитым академиком архитектуры Щусевым, автором Казанского вокзала и Мавзолея на Красной площади, здания гостиницы «Москва» и Театра оперы и балета имени А.Навои в Ташкенте. По его проектам построены станции Московского метрополитена «Комсомольская-кольцевая», «Москворецкий мост», комплекс зданий Пулковской обсерватории и многие другие объекты. Будучи директором Третьяковской галереи в 1920-х годах, Щусев упорядочил ее фонды, пристроив новые корпуса, расширил экспозицию. Он был одним из инициаторов создания и первым директором Музея русской архитектуры. Сейчас музей носит его имя.

Свою трудовую деятельность в качестве архитектора отец начал в Комсомольске-на-Амуре. Там он

проработал два предвоенных года в управлении капитального строительства судостроительного завода № 199, которое являлось основным застройщиком города. Ему пришлось много проектировать и вести архитектурный и технический надзор по строительству крупного жилого комплекса, зданий Дома культуры, судостроительного техникума и других объектов. Перед самой войной возвратился в Москву. В июне 1941 года попал не в действующую армию, а в распоряжение наркомата авиационной промышленности. В составе 20-й специальной проектной бригады Строительно-монтажного треста № 12 был направлен в город Молотов. Так в то время называлась Пермь.

Фашистская Германия напала на СССР без объявления войны. Ранним утром 22 июня 1941 года бомбардировке подверглись спящие мирные города, приграничные воинские части, военные аэродромы. Были уничтожены так и не успевшие подняться в воздух сотни боевых самолетов. В первые месяцы войны перед наркоматом авиационной промышленности стояла задача эвакуировать авиазаводы из Европейской части в глубь страны, в кратчайшие сроки восстановить утерянный парк военной летной техники и постоянно наращивать выпуск истребителей и бомбардировщиков.

Эшелоны с людьми и заводскими станками, прибывающие на Урал, разгружались порой в чистом поле. Первым делом велись проектные работы. Необходимо было выполнить планировку будущей заводской территории, решить вопросы проектирования всей инфраструктуры жилых поселков для рабочих завода.

В архиве отца сохранилась выписка из приказа по НКАП-СССР № 637 от 22 декабря 1943 года. В нем дается оценка работы специальной проектной бригады. Вот текст этого приказа: «Молотовской бригадой Гипроавиапрома выполнен комплекс проектирования жилых поселков заводов наркомата авиационной промышленности. Поселки, начатые строительством в разное время, объединяются разработанным проектом в единый жилой район города. Отличительной особенностью данного проекта является реальный учет очередности застройки и материальных ресурсов строительства, а также разработка рациональных типов жилых и обслуживающих зданий. Полная разработка проекта на месте строительства позволила обеспечить порядок в застройке, повышение эффективности в капиталовложениях». Далее приказано: «Начальнику Гипроавиапрома тов. Штейнбергу И.И. распространить данный опыт проектирования на другие объекты. Отметить за проявленную инициативу и активную оборонную работу членов коллектива Молотовской бригады: Чи-

нёнова Л.И. – старшего архитектора, Юдина П.А. – исполняющего обязанности инженера».

В целях распространения опыта комплексного проектирования отца командировали в город Горький и на авиазавод в г. Кирове. Кировская командировка продлилась более года. За это время был выполнен генплан жилого поселка авиазавода № 32, проекты детского сада и детских яслей, амбулатории на 200 посещений, проект реконструкции Дома пионеров и школьников.

Город Киров, бывшая Вятка, как и многие другие города российской глубинки, принял и приютил у себя сотни беженцев с оккупированных территорий и эвакуированных из прифронтовой полосы. Сюда, еще до того как замкнулось кольцо вражеской блокады, прибыл эшелон с жителями Ленинграда. Среди эвакуированных был коллектив Большого драматического театра, много ленинградских писателей и художников. На улицах Кирова в те годы можно было встретить Бориса Лавренева и Анатолия Мариенгофа, Евгения Шварца и Владимира Лебедева. Здесь оказался и Евгений Иванович Чарушин. Он приехал в Киров с этим последним эшеленом, вырвавшимся из окруженного города на Неве. С ним была его семья – отец Иван Аполлонович, перед самой войной перебравшийся в Ленинград, жена Наталья Аркадьевна и сын Никита. В отличие от многих эвакуированных, для которых Киров был местом новым и неизвестным, для Чарушина все здесь было родным и знакомым.

Он родился в Вятке 28 октября (10 ноября) 1901 года в семье губернского архитектора. С детства маленький Женя сопровождал отца в его частых поездках по губернии, в его охотничьих и рыбацких походах. Чарушины держали лошадей и собак. Лошадей для выезда, собак для охоты. Во дворе родительского дома Женю окружали цыплята и индюшата, цесарки и голуби. В клетках жили кролики и певчие птицы – щеглы и свиристели. С охоты приносили подраненных тетерок и куропаток. Их надо было подлечить и выкормить. Все они нуждались в бережном отношении и каждодневном уходе. Эти заботы и общение с ними для Жени были в радость и вызывали живейший интерес.

Детские предпочтения, наблюдательность, острая зрительная память определили выбор дальнейшего жизненного пути. Евгений Чарушин стал не только художником, но и замечательным писателем. Все это пернатое и мохнатое разнообразие животного мира вылилось россыпью удивительных рисунков на страницы книг и журналов.

Выполненные Чарушиным в 1930-е годы эстампы в технике литографии, иллюстрации для книг В.Бианки, М.Пришвина, С.Маршака, рисунки для своих

собственных рассказов принесли ему славу непревзойденного рисовальщика птиц и зверей. Он сумел поднять анималистический жанр, подчас второстепенный и вспомогательный, до уровня произведений подлинного искусства.

Среди великолепной когорты представителей ленинградской школы книжной графики Евгений Иванович Чарушин – один из любимейших моих художников. С институтских лет я собирал книжки-тетрадки с его иллюстрациями и, конечно, хорошо знаком с книгой Эраста Давыдовича Кузнецова «Звери и птицы Евгения Чарушина», выпущенной в Московском издательстве «Советский художник» в 1983 году. Из этой книги я и почерпнул сведения о детстве художника, прошедшем в Вятской губернии, и о его пребывании в родном городе во время войны.

В эвакуации Чарушин продолжал много и плодотворно работать. Военное время наложило свой отпечаток на характер занятий художника. Помимо книжной графики, он делал плакаты для кировских «Окон ТАСС», писал картины маслом на партизанские темы, рисовал портреты раненых в госпиталях. Ему пришлось заниматься совершенно новым для него делом – оформлением интерьеров. Он расписал и украсил декоративным панно детскую комнату железнодорожного вокзала, помещение кукольного театра и интерьер кировского Дома пионеров и школьников. Того самого Дома пионеров, перестроенного по проекту моего отца.

Я держу в руках истершуюся на сгибах половинку машинописного листа. Это постановление исполкома Кировского Горсовета и бюро горкома ВКП/б/ № 20/7 от 10 июня 1944 года. Среди отмеченных постановлением отличившихся по строительству и художественному оформлению кировского Дома пионеров и школьников фамилии художника Чарушина и архитектора Чинёнова стоят рядом.

Время не пощадило тех росписей военной поры. Не знаю, уцелело ли деревянное здание Дома пионеров. Но память хранит этот примечательный факт в биографии моего отца – его встречу и совместную работу с замечательным художником Евгением Ивановичем Чарушиным.

В марте 1944 года Кировским областным отделением отец принят в члены Союза архитекторов СССР. Утверждение Центральным правлением состоялось 8 сентября того же года. Свой членский билет он получил уже в Москве, куда был переведен на работу в проектный институт «Гипроавиапром».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 года отец, как участник трудового фронта, награжден медалью «За доблестный и самоотверженный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

**Главный архитектор г. Петрозаводска.
Семья и работа.
Дом Онежского завода**

В проектно-институте «Гипроавиапром» отец работал в должности старшего архитектора до марта 1947 года. Им были выполнены проекты жилых кварталов Москвы, Казани и Ташкента, проект Клуба кино на 330 мест для ЦАГИ.

Когда в начале 1947 года его вызвали в Комитет по делам архитектуры при Совете Министров СССР и предложили принять участие в восстановлении разрушенных городов, он охотно согласился. В характеристике, данной в проектно-институте для предоставления в Комитет по делам архитектуры, было отмечено: тов. Чинёнов всегда ищет новых архитектурно-творческих решений, проявляет большую самостоятельность и настойчиво доводит начатую работу до конца.

Самостоятельность в принятии решений – очень важная черта характера моего отца. Очевидно, что рамки заданий проектного института стали для него тесноваты.

Опыт, накопленный в Молотовской бригаде и в «Гипроавиапроме», желание решать архитектурные задачи в масштабе не только одного квартала или района, а целого города, обусловили его согласие покинуть Москву и возглавить восстановление разрушенного Петрозаводска.

По рекомендации Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР в марте 1947 года он приезжает в столицу озерного края и начинает работать в должности главного архитектора города Петрозаводска. С этим городом связана вся его дальнейшая жизнь и судьба. Здесь он доказал свою состоятельность как архитектор, раскрылся как руководитель и как творческая личность, здесь нашел свою любовь и свою вторую половинку.

С мамой они познакомились в кабинете главного архитектора. Она – студентка Ленинградского инженерно-строительного института – приехала в родной город на практику. И все здесь сошлось удивительным образом воедино. И то, что страшная война была позади, и то, что город и вся страна восстанавливались и возрождались из руин к новой жизни, и запоздалая северная весна, и цветущая черемуха в садах, и очарование белых ночей. Они стали встречаться не только по работе.

Студентка Лида жила со своей мамой Ольгой Филипповной и со старшей сестрой Леной. Он долгое время робел знакомиться с ее мамой и часто расспрашивал про детские годы, про ее родных и близких. Лида поведала со всеми подробностями историю своей семьи.

Ее отец Сергей Васильевич Смирнов родился в 1875 году в деревне Будилово Даниловского уезда Ярославской губернии. Будилковские крестьяне в зимние месяцы занимались отхожим промыслом. С нехитрым столярным инструментом отправлялись в Петербург и подряжались на строительные работы. Отец маленького Сережи Василий Миронович был искусным кровельщиком. Он сумел найти постоянную работу и осесть в северной столице. Его профессиональные навыки оценивались высоко. Достаточно сказать, что ему было доверено выполнить кровельные работы на крыше Зимнего дворца – резиденции российских императоров. Со временем он переехал в Петербург и свою семью.

Сергей Васильевич получил образование инженера-строителя. Начинать учиться в Петербургской Академии художеств. Но после январских событий 1905 года, как неблагонадежный, был отчислен из числа вольнослушателей академии. Устроился на работу подрядчиком при Путиловском заводе. Приходилось совершать поездки по российским городам, искать подряды и заключать договоры на строительство жилых зданий и промышленных объектов.

Однажды судьба занесла его в далекий Архангельск. Командировка была удачной и уже близилась к завершению, когда к хозяевам дома, где он снимал комнату, приехала погостить родственница из Сумпосада. Взаимная симпатия, возникшая между девушкой из поморского села, которую звали Оленькой, и молодым командированным из Петербурга переросла в искреннее глубокое чувство. Сергей Васильевич, обычно аккуратный в делах и исполнительный, словно потерял голову. Его ждали в Петербурге с подписанными документами, а он все медлил с отъездом. Он уговаривал Оленьку поехать с ним в Петербург, а она не решалась. И оба понимали, что если расстанутся, то потеряют друг друга навсегда. Заканчивалась навигация на Белом море. И наконец Ольга решилась. Отправилась в Сумпосад, попрощалась с родными и с последним пароходом вернулась в Архангельск. Сергей Васильевич увез ее в Петербург, где они обвенчались в 1910 году.

Молодые жили мирно и счастливо до осени 1917 года. Революционные потрясения ввергли страну в хаос и братоубийственную войну. Потерявший работу Сергей Васильевич со стареющим отцом и Ольга Филипповна с маленькими детьми покинули голодный и холодный Петроград. Уехали на родину Ольги. В Сумпосаде долго не задержались. Переехали в Кемь, где Сергей Васильевич нашел работу. В Кемь в 1926 году родилась Лида, самая млад-

шенькая. Всего же в семье было семеро детей. Трое умерли во младенчестве. Родители подняли четверых: Лену, Васю, Володю и Лидочку.

Я видел своего деда Сергея Васильевича, дядю Василия и Володю только на фотографиях. Дед умер в марте 1940 года. Вася и Володя с первых дней войны попали в действующую армию. Старшего убили под Медгорой во время бомбежки воинского эшелона. Володя прошел почти всю войну разведчиком, был ранен. Погиб в июле 1944 года при освобождении Пушкиногорского района Псковской области.

Из Кеми Сергей Васильевич и Ольга Филипповна в конце 20-х годов перебрались в Петрозаводск. Первое время было трудно. Жили на съемной квартире в полуподвальном помещении. Постепенно жизнь стала налаживаться. Разрешилась проблема с жильем. Сергей Васильевич не только вступил в жилищный кооператив, но и сам руководил строительной бригадой, возводившей кооперативный дом. Это деревянное двухэтажное здание уцелело во время войны и сохранилось до сих пор. Оно находится на улице Гоголя, рядом с кулинарным колледжем.

В этот дом и пришел робеющий главный архитектор города, чтобы познакомиться с мамой своей избранницы. Ольга Филипповна поначалу не очень одобряла выбор своей дочери. Уж больно велика была разница в возрасте. Ему тридцать пять, Лида на четырнадцать лет моложе. Но одно обстоятельство растопило сердце настоящей поморки, уроженки Сумпосада. Сели пить чай. За самоваром беседовали неспешно и обстоятельно. Ольга Филипповна выпила девять стаканов. Лазарь – на два стакана больше, чем окончательно расположил к себе будущую тещу.

Они поженились весной сорок девятого. Лазарь не стал забирать Лиду от матери, потерявшей на войне двух сыновей. Он влился в этот женский осколок некогда большой семьи. И прожили они всю жизнь вместе с Ольгой Филипповной и со старшей сестрой Лиды Еленой Сергеевной, так и не вышедшей замуж.

В этом доме на улице Гоголя в марте 1950 года у Лазаря и Лиды родился первенец, мой старший брат Вячеслав. Как все первенцы, он был особенно любим. Первые его слова запоминали, часто повторяли и пересказывали. Его ответы на вопросы: «Где живешь? – Гоголя. Как живешь? – Гоголя» остались среди семейных легенд и баек, как память о том доме, построенном моим дедом, и тех первых годах совместной жизни моих родителей.

Я родился в пятьдесят втором. Меня назвали в честь Сергея Васильевича. Впоследствии родные

говорили, что я унаследовал не только имя моего деда, но и многие черты его характера.

Мама не стала строителем. Когда родился Славик, взяла академический отпуск в строительном институте, а отом и вовсе перевелась в Ленинградский институт им. Герцена, где училась заочно на факультете иностранных языков. Она открыла в себе другое призвание. Владела в совершенстве английским, немецким и французским языками. Изучала итальянский, испанский и финский. Долгие годы работала преподавателем иностранных языков в Музыкальном училище им. Раутио.

Мне кажется, для отца конец сороковых и пятидесятые годы были особенно счастливыми. Он был молод, занимался любимым делом, обрел семью. Для меня пятидесятые – мозаика детских воспоминаний. В памяти каждодневный утренний ритуал перед уходом отца на работу. Густо намыленные щеки, помазок, двухстороннее круглое зеркало в металлической оправе. След от опасной бритвы, освобождающей лицо от мыльной пены. Мы с братом кружимся возле кухонного стола в ожидании завтрака. Отец в неизменно хорошем настроении. Подмигивает нам, напевает мелодии любимых песен. Взгляд уверенного в себе человека. Впереди новый день, обсуждение новых проектов, встречи, выезд на строящиеся объекты. И город, меняющийся на глазах, и ощущение причастности к этому огромному круговороту дел.

Послевоенный Петрозаводск – город небольшой. Отца много знакомых и просто знающих его в лицо. Он ведет прием граждан и как главный архитектор, и как депутат Петрозаводского городского Совета. Для нас с братом гулять с ним по городу в выходные – просто мука. Через каждые сто метров раскланивания, остановка, беседа. Нам скучно среди этих взрослых разговоров. Мы висим на правой и левой руке отца и чертим подошвой маленького сандалика бесконечные круги на асфальте.

С детства нас окружали планшеты, рулоны бумаги, остро заточенные карандаши и акварельные краски. Вечерами отец склонялся над чертежной доской, а мы с братом рисовали за его рабочим столом. Он научил нас играть в шахматы. Когда мы стали постарше, проводили круговые турниры. Играли между собой в два круга, чтобы была возможность отыграться в случае проигрыша. Результаты заносились в турнирную таблицу, и по окончании второго круга выявлялся победитель.

В 1957 году у нас с братом появилась младшая сестренка, названная Людмилой. Это была «мамина» дочка. Отец уже не пытался приобщить ее к рисованию и к нашим «мужским» играм – футболу, настольному теннису и шахматам.

С супружеской парой архитекторов Третьяковых дружили семьями. Все праздники и семейные даты проводили и отмечали вместе. С приходом Ивана Николаевича и Галины Леонидовны дом наполнялся шумным весельем. Не было запретных тем для шуток и розыгрышей. В выходные – совместные поездки за город, на природу. Зимой на лыжах, летом – костерок где-нибудь на берегу Лососинки. И всегда с этюдниками, планшетами с натянутой бумагой и акварельными красками. Взрослые рисовали, а мы, набегавшись и наигравшись, притихшие, наблюдали за их работой.

Иван Николаевич перед написанием этюда покрывал все пространство белого листа легким желто-золотистым тоном, отчего этюд обретал цельность, а цвета, объединенные подложкой, – дополнительную гармонию. Отец этим приемом не пользовался, писал по белой поверхности бумаги, сразу находя верные цветовые и тональные отношения. Он успешно справлялся с передачей быстро меняющегося солнечного освещения в дневные часы и в краткий момент вечернего заката.

Помимо многочисленных акварельных пейзажей, отец оставил целую галерею портретных образов членов своей семьи и несколько автопортретов, выполненных в разные годы. Насколько я помню, свои работы он нигде не выставлял. Это было его внутренней потребностью, любимым делом, сопутствующим основной профессии.

На рубеже сороковых и пятидесятих годов в самом центре Петрозаводска на проспекте Ленина, между улицами Энгельса и Герцена, по проекту моего отца был построен жилой дом Онежского завода. Мне, родившемуся в 1952 году и не видевшему момент закладки и строительства этого здания, казалось, что оно стояло здесь всегда. Так выверенно и точно оно вписалось в сложный рельеф местности, уклоняющийся одновременно и к озеру, и в сторону Круглой площади. Мне нравилось, что этот дом отступает от общей линии застройки левой стороны проспекта и перед ним есть уютный скверик. А плавный поворот здания со входом в книжный магазин перекликается с увенчанным колоннами полукружием «Северной» гостиницы. И этот перепад высот, и лестница на тротуаре возле дома. А в памяти теплые ладони отца, крепко сжимающие наши маленькие ручки, и мы с братом, прыгающие по каменным ступеням лестницы нашего детства.

На посту главного архитектора Петрозаводска отец трудился восемнадцать лет. За многолетнюю добросовестную работу в области архитектуры в связи с пятидесятилетием награжден в 1962 году почетной грамотой Президиума Верховного Совета

КАССР. В течение двадцати лет избирался депутатом городского Совета.

В 1965 году переведен на работу в проектный институт «Карелгражданпроект» на должность главного архитектора института и по совместительству начальником отдела генпланов. С 1949 по 1962 год избирался членом правления Карельского отделения Союза архитекторов СССР. Несколько выборных сроков был председателем ревизионной комиссии этой общественной организации.

Коллеги ценили его за глубокие профессиональные знания, за умение отстаивать свою точку зрения, за веселый нрав и присущее ему чувство юмора. На 60-летний юбилей друга-архитектора подарили ему большой плакат в целый лист ватмана. На нем отец изображен в образе Создателя французского художника Жана Эффеля с лукошком в руках на фоне макета новых кварталов Петрозаводска. В центре плаката послание юбиляру: «Своей размашистой рукой ты сеял зерна. Из побегов поднялся город на Онего, своей сияя красотой. Возникли стройные проспекты, шпиль пронзили неба высь, Чинёнов Лазарь – архитектор, шагал вперед – посторонись! Своим собратьям передал свое лукошко непростое, чтоб тот, кто дело продолжал, сквозь то же сито просеивал поток архитектурных зерен. В твой юбилей от тех, кому доверил продолжить начатое дело, прими признание и поклон. Будь так же творчески силен, чтоб зерна лучше проросли и город наш преобразали».

Выйдя на пенсию в 1974 году, отец продолжал внимательно следить за формированием архитектурного облика Петрозаводска. Когда на страницах газеты «Ленинская правда» развернулась дискуссия о строительстве на месте Петропавловской церкви репетиционного корпуса Музыкального театра, он выступал в защиту сохранения историко-мемориальной части города от современной застройки. К сожалению, победила позиция сторонников противоположной точки зрения, и мы сегодня имеем то, что имеем, навсегда потеряв возможность восстановления храма, так тесно связанного с историей Петрозаводска, названного в честь святых апостолов Петра и Павла – небесных покровителей нашего города.

Отец был счастлив в семейной жизни. Они прожили с мамой в любви и согласии тридцать четыре года. Воспитали троих детей. Странная, нелепая и загадочная цифровая симметрия была в датах их рождения и ухода из жизни. Мама была на четырнадцать лет младше отца, а покинула этот мир на четырнадцать лет раньше.

Мы с братом и сестрой росли, ощущая родительскую любовь и уважительное к себе отношение. С

детства родители не заставляли, а направляли нас, развивая то, что заложено было в ребенке. Наш выбор профессии был естествен и предсказуем.

Старший брат Вячеслав хорошо рисовал. Поступал в Ленинградское высшее художественно-промышленное училище им. В.Мухоморова, но не прошел по конкурсу. После службы в армии окончил факультет промышленного и гражданского строительства Петрозаводского университета. Прошел долгий путь по карьерной лестнице. Начинал прорабом в Кондопоге. Работал инженером в «Главсевзапстрое» и директором отделочных работ «Петрозаводскстроя». Участвовал в восстановлении храма Святого Александра Невского. Сейчас возглавляет Управление архитектуры и градостроительства администрации Петрозаводского округа.

Младшая сестра Людмила пошла по стопам мамы. Училась в Петрозаводском педагогическом институте на факультете иностранных языков. Работает там, где когда-то трудилась и мама. Преподает английский, французский, немецкий и итальянский языки студентам Музыкального колледжа имени К.Э. Раутимо.

Я же унаследовал от отца не его профессию, а его увлечение. Ту грань его природы, которая стремилась из кабинета администратора и руководителя в тишину лесов и полей, туда, где отражается небесный купол в озерной глади и дышится легко и свободно. Так причудливо и свободно растекается акварель по влажной поверхности белой бумаги. После окончания учебы в Ленинградском институте им. Репина моим рабочим местом была не только творческая мастерская, но и поле с золотыми колосьями спелой

ржи, излучина реки, пыльный проселок, маленькое окошко деревенского дома.

Я благодарен отцу и маме за их житейскую мудрость. Они никогда не навязывали своего мнения, с кем нам дружить и кого любить. Когда в начале учебы в институте мы с Валей объявили им о нашем желании пожениться, они не возражали. Не говорили, что надо сначала закончить учебу, определиться с работой, а уже потом думать об этом. Знали, что мы дружим со школьной скамьи. Восприняли это известие спокойно и дали свое родительское благословение. Более сорока лет мы с Валентиной идем по жизни вместе, объединенные общим любимым делом и общей судьбой.

Пока живы были родители, мы часто собирались по семейным праздникам под крышей родительского дома. Трое детей со своими половинками, пять внуков. Теперь внуки выросли. Появились шесть правнуков. Если сейчас собрать всех вместе, то за родительским столом сидели бы двадцать два человека.

Отец оставил о себе добрую память, прочный, зримый след на карельской земле, в истории и архитектурном облике Петрозаводска. Вот уже шестнадцать лет его нет с нами. Но в моей душе по-прежнему звучит его голос: «Тот ураган прошел. Нас мало уцелело...» И ветер разносит золу, дорожную пыль и горький дым воспоминаний.

**Петрозаводск – Заблудовка,
март 2012 года**

Сергей Лазаревич ЧИНЁНОВ

родился в 1952 году в г. Петрозаводске.

Окончил Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина.

График, художник книги.

В соавторстве с Валентиной Чинёновой оформлены и проиллюстрированы более 30 книжных изданий.

Среди них сказки П.Ершова и В.Даля, стихи Г.Державина, повести и рассказы К.Паустовского, М.Пришвина, К.Ушинского и др.

Дипломант Всероссийского конкурса искусства книги.

Член Союза художников России с 1980 года.

Заслуженный деятель искусств Республики Карелия.

Живет и работает в деревне Заблудовка Бежаницкого района Псковской области.

В журнале «Север» публикуется впервые.

